ATATÜRK ÜNİVERSİTESİ YAYINLARI
ATATURK UNIVERSITY PUBLICATIONS

Исследовательская Статья Araştırma Makalesi
Research Article

DOI: 10.62425/ri.1812905

Антропонимия в Русской и Турецкой Литературе XIX Века: Сравнительный Анализ Семантики и Символики

19. Yüzyıl Rus ve Türk Edebıyatında Antroponimlerın Semantik ve Sembolik Karşılaştırmalı Analizi

Anthroponymy in 19th Century Russian and Turkish Literature: A Comparative Analysis of Semantics and Symbolism

Fatma Zehra GÜLEÇ
Department of Philology, North Caucasus Federal University, Stavropol, Russia

Аннотация
Данное исследование посвящено сравнительному анализу семантических, символических и культурных функций антропонимов в русской и турецкой литературе XIX века. На материале произведений Толстого, Достоевского, Гончарова, Ахмеда Мидхата, Набызаде Назыма и Намыка Кемаля показано, что имена персонажей являются не только средством идентификации, но и важными маркерами, отражающими социально-культурную структуру эпохи, идеологические тенденции и эстетические предпочтения авторов. Полученные результаты свидетельствуют о том, что антропонимы в художественных текстах выполняют значимую роль в формировании типологии персонажей, передаче общественных ценностей и определении идеологической направленности произведения.

Ключевые Слова: Культурный код, соотношение имени и характера, литературный образ, социальная репрезентация, семантическая функция имени

Öz
Bu çalışma, XIX. yüzyıl Rus ve Türk edebiyatında karakter adlarının (antroponimlerin) semantik, sembolik ve kültürel işlevlerini karşılaştırmalı olarak incelemektedir. Araştırmada Tolstoy, Dostoyevski, Gonçarov, Ahmet Mithat, Nabızade Nâzım ve Namık Kemal'in eserleri üzerinden örnekler sunularak, adların yalnızca bir kimlik göstergesi olmanın ötesinde, dönemin sosyo-kültürel yapısını, ideolojik eğilimlerini ve yazarların estetik tercihlerini yansıtan önemli göstergeler olduğu ortaya konulmuştur. Elde edilen bulgular, antroponimlerin edebi metinlerde karakter tipolojisini belirlemede, toplumsal değerleri aktarmada ve metnin ideolojik yönelimini şekillendirmede işlevsel bir araç olarak kullanıldığını göstermektedir.

Anahtar Kelimeler: Kültürel kod, isim ve karakter ilişkisi, edebî imge, toplumsal temsil, ismin anlamsal işlevi

Abstract
This study provides a comparative analysis of the semantic, symbolic, and cultural functions of anthroponyms in nineteenth-century Russian and Turkish literature. Based on selected examples from Tolstoy, Dostoevsky, Goncharov, Ahmet Mithat, Nabızade Nâzım, and Namık Kemal, the research demonstrates that character names are not merely identifiers but also significant markers reflecting the socio-cultural structure of the period, ideological tendencies, and the authors' aesthetic preferences. The findings indicate that anthroponyms play a key role in literary texts for defining character typology, conveying social values, and shaping the ideological orientation of the work.

Keywords: Cultural code, name–character relationship, literary image, social representation, semantic function of names

Sorumlu Yazar/Corresponding Author:
Fatma Zehra Güleç
E-mail: fzgulec180@gmail.com

Geliş Tarihi/Received	29.10.2025
Revizyon Talebi / Revision Request	30.12.2025
Kabul Tarihi/Accepted	02.04.2026
Yayın Tarihi/ Publication Date	07.04.2026

Cite this article
Güleç, F. Z. (2026). Anthroponymy in 19th Century Russian and Turkish Literature: A Comparative Analysis of Semantics and Symbolism. *Russian Insights: Literature, Culture and Linguistic* 3, 46-58.

Цитировать эту статью
Güleç, F. Z. (2026). Антропонимия в Русской и Турецкой Литературе XIX Века: Сравнительный Анализ Семантики и Символики. *Russian Insights: Literature, Culture and Linguistic,* 3, 46-58.

Content of this journal is licensed under a Creative Commons Attribution-Noncommercial 4.0 International License.

Введение

Практика имянаречения имеет большое значение во всех культурах. В художественной литературе она трансформируется в осознанную антропонимическую стратегию автора, при которой имена персонажей становятся объектом научного изучения в рамках антропонимики. Изучение антропонимов позволяет глубже понять характер героев, авторское мировоззрение и социальные коды эпохи. В данном контексте особый исследовательский интерес представляет сопоставительный анализ русской и турецкой литературы XIX века, развивавшихся в условиях интенсивного культурного диалога.

Турция и Россия на протяжении всей истории взаимодействовали в культурной, политической и экономической сферах. Несмотря на различия, интерес к языку и культуре друг друга никогда не угасал. Оба народа оказывали взаимное влияние, что проявляется и в литературе. В художественных текстах имена персонажей часто подбираются с намерением отразить их характер, менталитет или социальную роль. Антропонимия помогает выразить авторское отношение, обозначить культурный код текста и усилить реализм произведения.

Цель настоящего исследования — проанализировать функции антропонимов в русской и турецкой литературе с точки зрения их семантики, символики и культурной нагрузки. В центре внимания — то, как личные имена персонажей отражают их внутренний мир, социокультурные особенности и авторские интенции.

Методология исследования основана на сопоставительном анализе конкретных литературных произведений XIX века, принадлежащих русским и турецким авторам, в которых антропонимы играют ключевую роль в построении художественного мира. Примеры отбираются с учётом их знаковой значимости и потенциала для семиотического и культурологического толкования.

Научная новизна и актуальность работы заключается в том, что она предлагает комплексный взгляд на антропонимы как на инструмент художественного и культурного выражения, с акцентом на межкультурные параллели и различия. В условиях глобализирующегося мира, где культурная идентичность продолжает играть важную роль, подобные исследования способствуют лучшему взаимопониманию и межкультурному диалогу. Ономастика как область языкознания охватывает изучение собственных имён — онимов — и служит важным инструментом в анализе художественного текста. Согласно Лингвистическому энциклопедическому словарю, ономастика (от греч. ὀνομαστική (τέχνη) — «искусство давать имена») — раздел языкознания, изучающий собственные имена. Термин «ономастика» также обозначает совокупность собственных имён, что соответствует понятию «онимия». В рамках ономастики выделяется антропонимика (от греч. ἄνθρωπος — человек и ὄνυμα — имя) — раздел, изучающий антропонимы, то есть собственные именования людей: личные имена, патронимы (отчества или иные именования по отцу), фамилии, родовые имена, прозвища, псевдонимы (индивидуальные или групповые), а также криптонимы (скрываемые имена) (Linguistic encyclopedic dictionary, 1990).

Наименование персонажей в литературных произведениях отнюдь не является случайным выбором, как может показаться на первый взгляд. Напротив, это сознательно используемый автором ключевой элемент нарратива, непосредственно влияющий на идейное содержание текста и несущий многослойные смыслы. Выбираемые имена представляют собой стратегические маркеры, заключающие в себе скрытые послания — от социальной структуры эпохи до господствующих идеологий, от авторского мировоззрения до культурных кодов. Таким образом, антропонимы выступают не просто как имена, а как сложные символы, играющие важную роль в формировании художественного мира.

Антропонимы в литературе выполняют не только номинативную функцию, но и другие, например:

семантическую (обозначают черты характера, происхождение, социальную роль),

символическую (выступают как знаки, метафоры, архетипы),

прагматическую (влияют на восприятие персонажа читателем, выполняют коммуникативную задачу).

Согласно Аксану, собственные имена представляют собой важный источник данных для филологии, лингвистики, истории культуры и фольклористики, поскольку традиция имянаречения тесно связана с культурой нации и

отражает значение, которое имя имеет для личности (Aksan, 1998, с.115).

А. К. Матвеев подчёркивает, что «ономастика, несмотря на древние истоки, занимает особое место в системе гуманитарных наук», поскольку «имя в языке — это многосло йная единица, обладающая как лексическим, так и культурным смыслом». Следовательно, ономастика является наукой с широкой областью исследования, включающей ряд поддисциплин, занимающихся изучением языковых единиц, имеющих форму имени (Matveev, 2005, с. 11).

М. М. Бахтин, в свою очередь, интерпретирует имя как «социально насыщенный знак», несущий в себе «голос эпохи» и обладающий диалогической природой. Имя в художественном тексте становится элементом нарратива, формирует интертекстуальные связи и может выполнять роль символа или архетипа (Bakhtin, 1986, с. 280-285).

Имя в литературе — это знак второго уровня: оно сочетает в себе этимологическое значение и символическое содержание, приобретает дополнительные смыслы в тексте и может служить ключом к пониманию авторской позиции. Именно поэтому антропоним в художественном произведении становится неотъемлемым элементом художественной структуры, наряду с композицией, стилем и тематикой. Учитывая изложенные теоретические положения, представляется целесообразным перейти к всестороннему анализу антропонимов в русской литературе XIX века, с акцентом на их семантическую нагрузку, символическое значение и идеологический контекст.

Антропонимы в Русской Литературе: Семантика, Символика, Идеологический Контекст

XIX век в русской литературе представляет собой значимый и насыщенный период, когда на авансцену выходят великие писатели, поэты и новеллисты, оставившие неизгладимый след в мировой литературе. Произведения этой эпохи ценны не только с художественной точки зрения, но и благодаря глубокой отражённости социальных, политических и личностных реалий своего времени. Каждый текст посредством своих персонажей передаёт радости, страдания, духовные поиски и образ жизни того времени. Персонажи в этих произведениях выступают не просто как вымышленные фигуры, но и как символические носители авторских идей и тем. Такие детали, как имена героев, их внешность и манера одеваться, тщательно продуманы и соответствуют общей тематике произведения. Эта особенность составляет одну из ключевых опор нашего сравнительного анализа. В османо-турецкой литературе того же периода также отчётливо прослеживаются аналогичные мотивы, такие как конфликт между личностью и обществом, кризис модернизации и нравственные трансформации, представленные через художественные образы. Таким образом, возможно установить содержательные и временные параллели между русской и турецкой литературными традициями. Как отмечает Айдын в своем исследовании комедии Грибоедова "Горе от ума", ономастические элементы выполняют не только номинативную функцию, но и служат важным инструментом для раскрытия авторского замысла. Русская литература XIX века демонстрирует системный подход к выбору имён, особенно в произведениях Толстого, Достоевского, Гончарова (Aydın, 2024, с. 136).

Примеры Произведений и Краткие Описания

1. «Война и мир» Л. Н. Толстой (1869)

«Война и мир» — это историко-психологический роман Льва Толстого, опубликованный в конце 1860-х годов и признанный одним из самых масштабных и влиятельных произведений мировой литературы. В центре повествования — Отечественная война 1812 года и её воздействие как на представителей дворянства, так и на широкий народ. Толстой не только изображает ужасы войны, но и раскрывает внутренние конфликты, моральные трансформации и поиски личной идентичности в мирное время. Сюжет разворачивается вокруг нескольких знатных родов, таких как Болконские, Безуховы и Ростовы. Судьбы героев — как индивидуальные, так и семейные — тесно переплетены с историческими событиями того времени. Антропонимы, в частности фамилии упомянутых семей, в структуре романа выступают не только как маркеры идентичности, но и как носители идеологических и культурных смыслов. Особенно значимы в этом контексте фамилии Болконский и Безухов, поскольку через них Толстой демонстрирует духовные, нравственные и мировоззренческие особенности русской аристократии эпохи. Особенно показательными в контексте антропонимии являются персонажи Андрей Болконский и Пьер Безухов. Имена не

только обозначают героев, но и отражают сложное сочетание культурного и идеологического символизма.

Имя и фамилия князя Андрей Болконский ясно указывает на принадлежность к традиционной дворянской линии, несет в себе коннотации воинской чести и аристократического долга. Болконские представляли «классические» устои и идеалы — Андрей становится воплощением русской традиционной идентичности, устремленной к служению и героизму. Как отмечает Полтавец, сам Л. Н. Толстой подчёркивал, что фамилии «Болконский» и «Друбецкой» были придуманы так, чтобы звучать чем-то знакомым и естественным в русском аристократическом кругу (Poltavets, 2010, с. 69–70).

В то же время в современной интерпретационной традиции высказывается предположение, что фамилия «Болконский» не только фонетически соотносится с реальной княжеской фамилией «Волконский», но и может быть осмыслена в более широком семантическом и мифопоэтическом контексте романа «Война и мир». Однако сам Л. Н. Толстой крайне отрицательно относился к попыткам обнаружить конкретные прототипы князя Андрея. В письме к княгине Л. И. Волконской от 3 мая 1865 года он подчёркивал, что образ Андрея Болконского не списан с реального лица («Андрей Болконский — никто»), тем самым настаивая на художественной и типологической природе персонажа (Tolstoy, Letter to L. I. Volkonskaya, 3 мая 1865).

В этом контексте образ князя Андрея может быть рассмотрен как фигура, которую Л. Н. Толстой не просто сконструировал, но постепенно открыл и целенаправленно ввёл в центр повествования в процессе художественного письма. В ходе этого творческого процесса, питаемого нравственным и духовным опытом писателя, антропонимия персонажа приобретает смыслообразующую функцию; князь Андрей выходит за рамки индивидуального характера и превращается в типологический образ, отражающий ценности, противоречия и идеалы русского общества XIX века. Таким образом, посредством антропонимического анализа становится возможным интерпретировать образ князя Андрея как фигуру, репрезентирующую социальную и культурную структуру эпохи, в которой разворачивается действие романа.

Ещё один важный персонаж романа — Пьер Безухов. Выбор именно французской формы имени «Пьер» вместо русского «Пётр» не является случайным. Как отмечает Полтавец, данный ономастический приём подчёркивает близость героя к западноевропейскому мировоззрению, его отстранённость от русских общественных традиций, а также его внутренние нравственные и философские поиски. Образ Пьера соотнесён с западной традицией общественной и идейной активности, однако при этом остаётся в определённой мере оторванным от собственного народа. В этом контексте выбор имени Толстого приобретает не только стилистическое, но и смыслообразующее значение, поскольку имя Пьер включается в систему мировоззренческих характеристик персонажа. Примечательно также, что Полтавец привлекает образ Савельича из повести А. С. Пушкина «Капитанская дочка» как символ «истинного русского Петра», противопоставляя его Пьеру Безухову, чьё имя и мировоззрение ориентированы на западноевропейскую традицию (Poltavets, 2010, сс. 73–74).

Можно добавить, что фамилия «Безухов» (ассоциативно соотносимая с сочетанием «без уха») потенциально несёт в себе символику неспособности героя «услышать» голос своего народа или приобщиться к традиционному укладу. Такая интерпретация усиливает образ Пьера как внутренне раздвоенного интеллигента, ищущего личностную идентичность вне привычных социальных координат. Оба персонажа выступают в роли идеологических и культурных символов, представляющих два противоположных мира: Андрей Болконский воплощает традиционные ценности и устои Российской империи, тогда как Пьер Безухов является олицетворением духовного поиска и западнической модернизации.

В этом контексте в романе «Война и мир» представляется возможным рассматривать и интерпретировать идеологические и культурные темы эпохи через образы Андрея Болконского и Пьера Безухова, в рамках антропонимического подхода.

2. «Идиот» Ф. М. Достоевский (1869)

Роман Ф. М. Достоевского «Идиот» (1869) представляет собой важнейшее произведение для нашего антропонимического анализа. Центральной фигурой в произведении выступает князь Лев Николаевич Мышкин, имя

и фамилия которого наполнены как семантическим, так и символическим содержанием. Имя Лев традиционно ассоциируется с силой, величием и царственностью, тогда как фамилия, восходящая к корню «мышь-», несет семантику малости, уязвимости и социальной кротости. Данный лингвистический контраст между «львиным» началом и «мышиным» социальным положением выступает важным инструментом характерологии: через это семантическое столкновение Ф. М. Достоевский воплощает идеал «положительно прекрасного человека». Вернувшись в Россию после лечения в Швейцарии, Мышкин оказывается в водовороте петербургской светской жизни. Его искренность, доброта и христоподобная наивность резко контрастируют с цинизмом, жадностью и духовной пустотой окружающих. Отношения с Настасьей Филипповной и Аглаей Епанчиной становятся отражением его внутреннего конфликта между самопожертвованием и стремлением к человеческой любви. Через образ Мышкина Достоевский исследует возможность существования «положительно прекрасного человека» в реалиях аморального общества и ставит под сомнение достижимость абсолютного добра. Князь Мышкин в социальном пространстве романа посредством своей антропонимии выявляет как собственное иерархическое положение, обусловленное титулом, так и противоречащие этой иерархии черты характера, закреплённые в фамилии, что позволяет обозначить его внутреннюю и социальную «зажатость» в структуре общества. Одновременно его несоответствие окружающей социальной среде и ощущение чуждости выполняют важную интерпретативную функцию, позволяя читателю через систему антропонимов осмыслить развитие повествования и логику художественного мира произведения.

Другой важный персонаж, Настасья Филипповна Барашкова, также является весьма подходящим объектом для антропонимического анализа. Как подчеркивает Смирнов, в романе Ф. М. Достоевского «Идиот» имя и фамилия Настасьи Филипповны несут глубокую символическую нагрузку. Имя Анастасия происходит от греческого слова, означающего «воскресшая» (Smirnov, 2013, сс. 28–32).

Фамилия «Барашкова» соотносится с образом «жертвенного животных» или «агона». Исследователи славянской этнографии и культуры давно отмечают особую роль барана и барашка в свадебных обрядах, где эти символы связаны с космизацией невесты. Гости на свадьбах просили у хозяев «горилку» в честь барана, что символизировало жертвенность и связывало невесту с её «небесной ипостасью» (Chubinskiy, 1887; Ivanov, Toporov, 1967; Shein, 1874). В одном из ключевых эпизодов романа князь Мышкин говорит Настасье Филипповне: «Я вас тоже будто видел где-то... Я ваши глаза точно где-то видел… Может быть, во сне» (VIII: 90), что указывает на наличие в тексте скрытого символического кода, сознательно заложенного Достоевским (Smirnov, 2013, сс.26-27).

В этом контексте антропонимы, используемые в произведении выполняют значимую интерпретативную функцию, позволяя проследить развитие персонажей и динамику повествования, а также осмыслить тематическую и идеологическую структуру текста через систему антропонимии.

3. «Обломов» И. А. Гончаров (1859)

Центральным объектом антропонимического анализа является имя Ильи Ильича Обломова. Это русский дворянин, олицетворяющий апатию, безволие и укоренившуюся пассивность. Обломов проводит дни в халате на диване, погружённый в мечты о светлом будущем, но неспособный предпринять реальные действия. Контрастом ему выступает Андрей Штольц — деятельный, прагматичный человек с немецкими корнями, символ европейского рационализма и прогресса. Появление Ольги Ильинской, возлюбленной Обломова, не приводит к внутренним переменам героя: он оказывается неспособен преодолеть свою природу даже ради любви. Герой произведения и антропонимического исследования — Илья Ильич Обломов. Имя персонажа «Илья» соотносится с народным героем Ильёй Муромцем, известным своим пассивным образом жизни. Подобно тому, как Илья Муромец пролежал в постели 33 года из-за болезни, Обломов на протяжении всей жизни пребывает в состоянии бездействия и инертности. В отличие от эпического героя, Обломов так и не преодолевает состояние пассивности. Это сходство, по-видимому, является сознательным выбором автора И.А. Гончарова. Структура имени «Илья Ильич» несёт в себе как индивидуальное, так и обобщённое замыкание. Такая форма отражает замкнутый и бесплодный образ жизни, унаследованный героем от своей семьи, который на нём окончательно завершается. Можно предположить, что

автор намеренно демонстрирует прерывание повторяющегося из поколения в поколение жизненного цикла. Фамилия «Обломов» представляет собой не просто формальную номинацию, но и семантически нагруженный антропоним. Современные исследования указывают на то, что имя героя может соотноситься с корнем «облом-», ассоциируемым с идеями сломанности, фрагментарности и внутреннего застоя, что концептуально перекликается с образом персонажа и его жизненной пассивностью (Cama, 2022, сс.1-7).

Таким образом, Обломов предстает как человек, «сломленный» жизнью, не способный противостоять трудностям, пассивный и внутренне ущербный. Роман поднимает тему «обломовщины» — феномена общественной инертности и моральной деградации российского дворянства. В финале Обломов умирает, не реализовав ни одной своей мечты, оставшись заложником собственной фамилии и судьбы.

Имя Обломов со временем стало символом целого типа личности — пассивного, безволевого, погружённого в мечтания. Это пример наглядно демонстрирует, как антропоним может трансформироваться в культурный концепт, выходя за рамки конкретного произведения. Оно дало начало термину «обломовщина», что говорит о символическом весе имени в культуре. Таким образом, антропоним в литературном тексте выступает не просто в качестве имени персонажа, а как носитель многослойных культурных, психологических и исторических смыслов. Особенно это ярко проявляется в случае с Ильёй Ильичом Обломовым. Само имя героя, как и его типологическая характеристика, отражает не индивидуальные, а общественные и культурные особенности России XIX века. Как отмечали критики, образ Ильи Ильича Обломова стал типологическим воплощением социальной инертности и бездеятельности русского дворянства, а феномен «обломовщины» получил самостоятельное культурное значение после публикации романа (Cama, 2022, сс.1-7; Dobrolybov, 1859).

В этом контексте имя «Илья Ильич» как будто бы дублируется, подчёркивая цикличность, неизменность и замкнутость жизненного уклада Обломова. Это имя связывается с традиционностью, пассивностью и даже некоторой архаичностью, что в полной мере соответствует натуре персонажа — склонного к созерцательности, инертности и отрешённости от активной социальной жизни.

Антропонимы в Турецкой Литературе: Культурный Код и Характерология

Формирование новой турецкой литературы тесно связано с социально-культурными преобразованиями, произошедшими в Османской империи в XIX веке. Этот период характеризуется активизацией процессов модернизации, инициированных в ответ на политические и территориальные потери. Влияние западной культуры проявилось не только в административной и образовательной сферах, но и в литературе, где получили развитие новые жанры, такие как роман, драма и статья. Как отмечает Ахмет Хамди Танпынар, усилия по обновлению можно рассматривать как стратегию выживания империи в условиях системного кризиса (Tanpınar, 1997, сс. 129–178).

В данной главе будет проанализировано, как выбор имён персонажей в литературных произведениях выполняет функциональную роль, а также какие культурные и характерологические конструкции с их помощью формируются. Анализ антропонимов позволяет глубже понять стратегии репрезентации социальной и культурной идентичности в турецкой литературе того времени. В результате этих процессов литературное пространство расширилось, а художественные тексты стали выполнять функцию социального анализа. В этом контексте антропонимы — собственные имена персонажей — приобрели особую значимость как в семантическом плане, так и с точки зрения культурной и идеологической нагрузки. В турецкой литературе XIX века (у таких авторов, как Ахмет Митхат, Набызаде Назым, Намык Кемаль) имена персонажей не только отражают индивидуальные черты, но и служат индикаторами идеологических позиций автора, а также отображают противопоставления Востока и Запада, традиционного и современного.

Примеры Произведений и Краткие Описания

1. «Фелатун-Бей и Ракым Эфенди» Ахмет Митхат Эфенди (1875)

Ахмет Митхат Эфенди, своего времени в турецкой литературе известный своей высокой продуктивностью и обширным литературным наследием, в своём романе «Фелатун-Бей и Ракым Эфенди» предлагает ценный материал для антропонимического анализа. Этот роман, являющийся примером романтизма в турецкой литературе,

позволяет прочитывать конфликт Востока и Запада даже через выбор имён персонажей. Представляющий Восток Ракым — трудолюбивый и нравственный персонаж, появляется с титулом «эфенди» (традиционное восточное обращение, обозначающее образованного и уважаемого человека), тогда как символизирующий Запад Фелатун — носит титул «бей» (османский аристократический титул, соответствующий господину или знатному человеку). Следует также кратко отметить социально-культурное различие между титулами «бей» и «эфенди»: «Бей» подчеркивает аристократический, элитарный статус, тогда как «Эфенди» отражает традиционное, ближе к народу положение. Фелатун-Бей, унаследовавший большое состояние, представлен как образ распущенности и некритического заимствования западных ценностей. В противоположность ему, Ракым эфенди изображается как человек, усвоивший положительные стороны Запада: образованность, трудолюбие и этичность, при этом оставаясь уравновешенным восточным персонажем. Познакомившись в доме иностранной семьи, два героя на протяжении всего романа противопоставляются друг другу своими взглядами на жизнь, характером и социальным поведением. Это произведение — одно из наиболее ярких в турецкой литературе, где с особой выразительностью раскрывается конфликт Восток–Запад. В финале романа расточительный Фелатун-Бей разоряется и покидает Стамбул, чтобы устроиться на службу в провинции. Ракым эфенди же женится и продолжает свою жизнь в благополучии. По свидетельству Танпынара, автор чётко разделяет культурные и личностные различия между Фелатун-Беем, избравшим западный стиль жизни через слепое подражание, и Ракымом эфенди — начиная с их имён. Имя «Фелатун» — производное от имени Платон, сконструированное самим писателем, — становится символом поверхностного увлечения западной культурой. Фелатун-Бей — поклонник французского языка и образа жизни, расточительный наследник, живущий на состояние, оставшееся от отца. Ракым эфенди, напротив, — «человек расчёта, иначе говоря — пишущий человек», зарабатывающий на жизнь своим пером, владеющий несколькими иностранными языками и пользующийся доверием общества (Tanpınar, 1997, с. 458).

Оба имени и титула персонажей символизируют не только их индивидуальные черты, но и культурные поиски и идеологические ориентиры эпохи. Даже критикуя одну из важнейших проблем своего времени — конфликт Востока и Запада в турецкой литературе, автор сознательно прибегает к антропонимам, чтобы усилить и углубить представленное в произведении культурное противостояние. Имена Фелатун и Ракым отражают не только индивидуальные черты персонажей, но и закодированные в них цивилизационные ориентиры. В этом контексте смысловые связи, выстраиваемые через имена, указывают на культурную и идеологическую карту, выходящую за рамки личной идентичности. Сознательный выбор этих имён Ахмедом Митхатом Эфенди делает наглядной как социальную позицию героев, так и его критическое отношение к процессу модернизации эпохи.

2. «Зехра» — Набизаде Назым (1894)

Роман Зехра (1894), признанный первым натуралистическим и психологическим произведением в турецкой литературе, заслуживает внимания не только своей тематической глубиной, но и сложной многослойной семантической связью, которую автор выстраивает между именем главной героини и её личностью. Зехра, дочь богатого купца, с детства проявляет завистливый и злопамятный характер, который впоследствии становится основой для трагического развития сюжета. Её сближение с писарем Супхи, работающим у отца, последующий брак и разрушительные последствия ревности, возникающей в семейной жизни, представлены в романе посредством глубокого психологического анализа, редкого для литературы того периода. Чрезмерная собственническая привязанность Зехры к мужу, недоверие и гнев становятся причинами не только распада брака, но и разрушения её внутреннего мира. Этот деструктивный процесс, формируемый чувствами ревности и жажды мести, раскрывается в романе посредством насыщенной психологической драматургии. По мере развития сюжета героиня осознаёт разрушительное влияние собственных эмоций, заболевает и в финале романа умирает. С антропонимической точки зрения имя «Зехра» происходит от арабского слова “زهرا” (zahra), что означает «светлая», «красивая», «чистая», «непорочная» — то есть несёт преимущественно положительную семантическую нагрузку. Однако характер главной героини, проявляющий разрушительную зависть, полностью противоречит этим значениям, что позволяет классифицировать это имя как «иронический антропоним». В то время как внешность Зехры в романе описывается

как «невинная и красивая», её внутренний мир формируется под влиянием гнева, недоверия и стремления к мести. Таким образом, категория красоты в тексте выходит за рамки внешности и приобретает проблемный и противоречивый характер, вступая в конфликт с внутренним миром героини и её нравственной несостоятельностью. Внутренний конфликт героини, противостоящий её внешней привлекательности и позитивной семантике имени, выдвигает на первый план тему «не суди по внешности», которая становится ключевой в подтексте произведения. Этот приём подчёркивает расхождение между именем и жизненным путем персонажа, а также критикует поверхностное восприятие, призывая читателя не оценивать «книгу по обложке». На протяжении всего романа наблюдается отчётливый контраст между значением имени «Зехра» и внутренним миром героини, что представляет собой ценный материал для антропонимического анализа. Автор сознательно соотносит имя, обладающее положительной семантикой, с внешней привлекательностью персонажа, но в то же время противопоставляет ему разрушительные черты её характера. Внутренние стремления Зехры к разрушению и мстительности нивелируют ассоциации, заложенные в её имени, превращая его в своего рода литературную иронию. Это расхождение между ожиданием и реальностью, подкреплённое психологически насыщенным сюжетом, делает образ Зехры выразительным примером конфликта между именем и личностью в рамках антропонимического исследования.

3. «Интибах» (или «Сергюзешт-и Али Бей») — Намык Кемаль (1876)

Роман «Интибах», известный также под названием «Сергюзешт-и Али Бей», является одним из значительных произведений турецкой литературы и был впервые опубликован в 1876 году. Роман Намыка Кемаля Интибах, написанный под влиянием французской литературы с использованием современных повествовательных техник, представляет собой произведение, исследующее на литературном уровне семейную структуру, отношения между мужчинами и женщинами, а также влияние процесса модернизации на социальную ткань. Роман занимает важное место, поскольку отражает моральные представления своего времени и изменение общественных ценностей. Написанный Намыком Кемалем в период ссылки, он считается первым художественным романом в истории турецкой литературы. В центре повествования — история благородного, образованного и добродетельного Али Бея, чья жизнь кардинально меняется после встречи с женщиной лёгкого поведения по имени Махпейкер. Его моральное падение, вызванное этой связью, изображается как процесс постепенной утраты нравственных ориентиров. В повествование также включена история наложницы по имени Дилашуб, которую мать Али Бея приводит в дом в надежде спасти сына от пагубного влияния Махпейкер. Таким образом, между тремя персонажами формируется любовный треугольник, наполненный значимыми моральными и социальными посланиями. Примечательно, что, несмотря на то, что виновником всех событий становится сам Али Бей, страдают в итоге окружающие его женщины, что придаёт повествованию особую трагичность. С точки зрения ономастики, роман представляет интерес в контексте анализа фигуры femme fatale, воплощённой в образе Махпейкер. Имена главных женских персонажей — Махпейкер и Дилашуб — играют важную роль в раскрытии сюжетной динамики и символики, что делает их особенно ценными для антропонимического анализа. В этом контексте имена персонажей в произведении выступают не только как средство идентификации, но и как символические элементы, отражающие их социальный статус, моральную идентичность и нарративную функцию. С этой точки зрения, два женских персонажа, подвергнутых антропонимическому анализу — Махпейкер и Дилашуб — являются яркими примерами глубокого смыслового соответствия между именем и характером. Имя Махпейкер имеет персидское происхождение и означает «луноликая», «красивая» или «сияющая». В романе эта семантика проявляется не только как словарное значение, но и через описание внешности героини. Ещё до появления на сцене читатель получает представление о Махпейкер как о привлекательной и очаровательной женщине. Это можно рассматривать как сознательный авторский приём. Махпейкер — женщина, сочетающая внешнюю красоту с разрушительными чертами. Её соблазнительность играет ключевую роль в падении Али-бея, но за этой привлекательностью скрывается моральная угроза. Таким образом, она выступает в роли классической femme fatale. В противоположность ей стоит Дилашуб, чьё имя также персидского происхождения и означает «успокаивающая

душу», «ласкающая сердце». Это имя не только звучит мелодично, но и точно отражает внутренние качества персонажа. Дилашуб — воплощение невинности, мягкости и душевного спокойствия, идеально соответствующее своему имени. Она становится для Али-бея не только источником утешения, но и символом традиционных добродетелей. С антропонимической точки зрения, имя Дилашуб почти полностью отождествляется с её характером. Автор подчёркивает, что её внутренняя чистота отражается во внешности, и её имя вызывает у читателя ассоциации с миром, нежностью и любовью. Противопоставление Махпейкер и Дилашуб прослеживается не только в их характерах или внешности, но и в семантическом содержании их имён. Махпейкер представляет разрушительную, соблазнительную силу, тогда как Дилашуб — символ душевного равновесия и нравственности. Эти две героини олицетворяют два полюса общественного восприятия женщин. Таким образом, Интибах строится не только на уровне сюжетных коллизий, но и на символической значимости имён, благодаря чему приобретает выраженное идеологическое измерение. Намык Кемаль с помощью этих двух женских образов отражает не только личную драму, но и моральные конфликты своего времени, а также трансформацию общественных ценностей. Махпейкер как femme fatale воплощает образ «освобождённой женщины», воспринимаемой как угроза в консервативной среде, тогда как Дилашуб символизирует идеализированный женский образ, основанный на традиционных ценностях. Через этих персонажей автор не только передаёт свои моральные послания, но и открывает пространство для переосмысления гендерных ролей. В этом отношении «Интибах» представляет собой не просто любовный роман, а многослойное произведение, в котором через противопоставление образов Махпейкер и Дилашуб подвергаются критике традиционные моральные коды, регулирующие поведение женщины в османском обществе XIX века.

Сравнительный Анализ Русской и Турецкой Антропонимии в Литературе

XIX век был для как русского, так и османского обществ не только периодом политических и социальных трансформаций, но и временем перехода, нашедшего своё отражение в литературе. В этом контексте имена персонажей, встречающиеся в произведениях данной эпохи, выполняют не только номинативную функцию, но и приобретают глубокое символическое значение: они отражают внутренний мир героев, служат основой для литературной иронии и играют ключевую роль в раскрытии их функций в повествовании. Такой подход способствует формированию общего эстетического пространства, несмотря на различие историко-культурных условий развития двух литератур. Метод сравнительного литературоведения, вопреки распространённому мнению, направлен не столько на выявление различий, сколько на обнаружение структурных, культурных и тематических сходств. Так, тема «конфликта между западными и традиционными ценностями», характерная для турецкой литературы периода Танзимата, и тема «поиска идентичности перед лицом Запада», наблюдаемая в русской литературе того же периода, представляют собой яркие параллели. Специфическое осмысление опыта модернизации каждым из обществ делает сравнительный анализ соответствующих произведений особенно значимым. В этом контексте интересным представляется сопоставление персонажей романа Льва Толстого Война и мир — Андрея Болконского и Пьера Безухова — с героями романа Ахмеда Митхата Эфенди Фелатун-бей и Ракым эфенди. Андрей Болконский и Ракым эфенди предстают как идеализированные персонажи, воплощающие моральные и культурные ценности своего общества. В противоположность им, Пьер Безухов и Фелатун-бей — это герои, открытые западному влиянию, но утратившие внутреннюю целостность и переживающие глубокий кризис идентичности. Их имена также становятся отражением идеологического и культурного раскола на уровне художественного текста.

Андрей и Ракым, с антропонимической точки зрения, несут в себе культурные коды собственной традиции и выступают в качестве общественных ролевых моделей. Иными словами, оба имени символизируют идеалы и сущность соответствующих обществ. В то же время Пьер Безухов и Фелатун-бей — это персонажи с иностранными или преднамеренно западно звучащими именами, что подчеркивает их оторванность от собственных корней и культурную отчуждённость. В данном контексте имя становится не просто обозначением, но и символом внутреннего конфликта и проблемы принадлежности, проходящей через всё повествование. Более того, антропонимы этих персонажей сигнализируют не только «иностранность» на слуху, но и указывают на их

несоответствие общественным структурам и отчуждённость от окружения. С этой точки зрения можно утверждать, что имена становятся носителями авторского послания и критического взгляда. Таким образом, имена персонажей представляют собой многослойные знаки, передающие не только индивидуальную, но и идеологическую, культурную идентичность. С точки зрения общей темы и того факта, что антропонимы со временем приобретают характер, раскрывающий определённый тип личности, Обломов и Фелатун-бей выступают интересными объектами сравнительного анализа. Учитывая, что персонажи романов воплощают специфические ментальные установки, можно утверждать, что Фелатун-бей и Илья Ильич представляют тип личности, сформированный имперским порядком, тогда как Ракым Эфенди и Штольц воплощают западноориентированный, продуктивный и ответственный образ личности, сумевшей адаптировать западный менталитет в соответствии со своим образом жизни, их можно объединить под термином «рационально-прагматический тип героя».

Имя «Обломов», символизирующее пассивность и стремление к комфортной жизни, стало лингвистическим воплощением этой жизненной установки. Оно превратилось не просто в имя, а в обозначение лени, слабости воли и отчуждённости от общественной жизни. Со временем термин «обломовщина» вышел за пределы художественного контекста и стал культурным символом определённого социального типа в русской мысли. Аналогично, персонаж Фелатун-бей, чья западная манера поведения выражена формально, без глубокого понимания, также превратился в культурный символ —«Фелатунство» (Felatunculuk) обозначает тип личности, следственной за западной формой, потерявшей свои корни. Оба персонажа, представители аристократии или богатого класса, получившие лишь поверхностное образование и обладающие склонностью к праздному образу жизни, тем самым отражают общий критический контекст.

Со временем имена Обломова и Фелатун-бея превратились в символы определённых жизненных установок и ментальных моделей в общественном дискурсе. Так «обломовщина» и «фелатунство» стали обозначать не просто черты личности, но и более широкие феномены — проблемы модернизации и культурной дезинтеграции. Имена перестают быть лишь именами — они становятся символами стиля жизни, внутренней структуры личности и идеологических тенденций, и именно через них читателю передаётся ключевое авторское послание. В контексте сюжета романа антропонимы функционируют как символы пассивности, утраты идентичности, поверхностности и отчуждённости. Следовательно, антропонимическое сравнение этих персонажей открывает перспективы как индивидуального, так и культурно-социологического анализа модернизационных процессов. Как подчёркивает Белинский, «иногда в самом имени, которое истинный поэт даёт своему герою, есть глубинное значение и необходимость» (Belinsky, 1954, с.124). Это утверждение особенно актуально при анализе русской классики, где имена часто становятся маркерами психологического и социального статуса персонажей. С учётом того, что персонажи представляют не только определённую культуру, но и моральные идеалы, можно провести параллели между князем Мышкиным и Ракым-эфенди в свете антропонимического анализа. При рассмотрении имени князя Мышкина становится очевидным наличие символических значений. Его личное имя — Лев — весьма распространено в христианской традиции и ассоциируется с Христом, символизируя силу духа и нравственное превосходство. В то же время фамилия Мышкин, происходящая от слова «мышь», несёт в себе значение скромности и смирения, что создаёт определённую семантическую двойственность. Этот персонаж, изображённый автором как образец высокой нравственности, сохраняет свою культурную идентичность и становится источником света для окружающих. Аналогичная модель прослеживается в турецкой литературе через фигуру Ракым эфенди — героя, сохранившего свою культурную суть и выступающего нравственным примером для окружающих. И князь Мышкин, и Ракым эфенди — персонажи, играющие роль нравственных ориентиров в своих обществах. Их имена, отражающие глубинные культурные коды и укоренённые в традиционных ценностях, свидетельствуют о том, что оба автора сознательно создают своих героев как носителей национальных и моральных идеалов. Таким образом, антропонимы в этих произведениях становятся не только средствами художественной номинации, но и важным элементом авторской концепции.

Женские Имена Как Маркеры Социокультурных Ролей

Антропонимическая система в литературе отражает не только индивидуальную, но и коллективную идентичность женщин, а также доминирующие представления о женских ролях в обществе. В контексте нашей работы, анализ женских имён в произведениях русской и турецкой литературы XIX века позволяет выявить значимые социокультурные параллели и контрасты. Подобный сравнительный подход, как уже было отмечено выше, строится прежде всего на сходствах. Так, женские имена Зехра, Настасья Филипповна Барашкова, Махпейкер и Дилашуб демонстрируют как общие черты, так и различия с точки зрения семантики и символики. Настасья Филипповна и Махпейкер, несмотря на то, что их имена ассоциируются с красотой и привлекательностью, в повествовании выступают как образы «роковой женщины» — femme fatale. Их внешняя привлекательность контрастирует с внутренней трагедией и моральной амбивалентностью. Оба персонажа являются воплощением отклонения от традиционных норм женственности, что подчёркивается их судьбами, лишёнными положительного завершения. Авторы, используя говорящие имена, как бы предостерегают читателя от слепого доверия к внешности, раскрывая глубокий конфликт между образом и сущностью. Сходный дуализм наблюдается в образах Настасьи Филипповны и Зехры. Несмотря на положительную семантику имён, обе героини оказываются втянутыми в драматические события, демонстрируют эмоциональную неустойчивость и совершают действия, противоречащие моральным ожиданиям общества. Эта противоположность между именем и поведением персонажа служит художественным приёмом для раскрытия внутренних конфликтов и социальных ограничений, наложенных на женщин того времени. Единственным женским персонажем, чьё имя в полной мере соответствует её внутреннему миру, является Дилашуб — героиня, имя которой означает «утешение сердца». В её образе мы наблюдаем трагизм женской жертвы, аналогичный судьбе Настасьи Филипповны. Обе героини становятся жертвами патриархальных структур, несмотря на свою искренность и эмоциональную глубину. Таким образом, женские антропонимы в русской и турецкой литературе XIX века становятся символами социокультурных ожиданий и ограничений, наложенных на женщин. Через имена, судьбы и характеры героинь авторы передают противоречия между личными стремлениями и социальными нормами, а также изображают трансформацию женской идентичности в условиях модернизации общества.

Выводы

Сравнительный анализ антропонимии в русской и турецкой литературе XIX века показывает, что имена персонажей выполняют значительно более сложные функции, чем простая номинация. В рассматриваемых произведениях антропоним выходит за пределы номинативной функции, выступая в тексте как семантико-символический инструмент, кодирующий культурные и ценностные ориентиры эпохи, а также предопределяющий социальное положение персонажа и его роль в повествовании.Антропонимы становятся символами идеологических, культурных и социальных парадигм эпохи, в которой создавались литературные произведения. В русской литературе (на примере произведений Л. Толстого, Ф. Достоевского, И. Гончарова) наблюдается тенденция к использованию имён как средства глубокой характеристики внутреннего мира персонажа, а также его положения в системе общественных ценностей. Имя Обломов, к примеру, стало нарицательным и обозначает определённый тип личности — апатичного, бездеятельного человека, утратившего волю к действию. В турецкой литературе (в произведениях Ахмеда Митхата и Набизаде Назима) антропонимы также несут значительную идеологическую и культурную нагрузку. Такие имена, как Фелатун и Ракым, символизируют столкновение между западной модернизацией и традиционными османскими ценностями. Таким образом, можно сделать вывод, что выбор имён персонажей в русской и турецкой литературе XIX века отражает не только индивидуальные черты героев, но и более масштабные культурные конфликты, исторические преобразования и идеологические тенденции. Антропонимы выступают средствами художественной типизации, инструментами социальной критики и выразителями авторского замысла.

Hakem Değerlendirmesi: *Dış bağımsız.*
Çıkar Çatışması: *Yazar, çıkar çatışması olmadığını beyan etmiştir.*
Finansal Destek: *Yazar, bu çalışma için finansal destek almadığını beyan etmiştir.*
Yapay Zeka Kullanımı: *Yazar, çalışmada yapay zeka araçları kullanmadığını beyan etmiştir.*

Peer-review*: Externally peer-reviewed.*
Conflict of Interest: *The author have no conflicts of interest to declare.*
Financial Disclosure: *The author declared that this study has received no financial support.*
Use of Artificial Intelligence: *The author has stated that they did not use artificial intelligence tools in this study.*

Ссылки/ References

Aksan, D. (1998). *Her yönüyle dil (Ana çizgileriyle dilbilim)*. Türk Dil Kurumu Yayınları.

Aydın, O. (2024). Aleksandr Griboyedov'un Akıldan Bela eserinde onomastik unsurlar: Konuşan soyadları. *Dumlupınar Üniversitesi Sosyal Bilimler Dergisi*, (81), 128–138. https://doi.org/10.51290/dpusbe.1430719

Bakhtin, M. M. (1986). *Estetika slovesnogo tvorchestva*. Iskusstvo.

Belinsky, V. G. (1954). *Izbrannye filosofskie sochineniya v dvukh tomakh* (Cilt 2). Gospolitizdat.

Cama, S. (2022). Goncharov's Oblomov: Metahistory to metaphysics. *International Journal of Creative Research Thoughts*, *10*(9), 1–7. https://www.ijcrt.org/papers/IJCRT2209048.pdf

Chubinsky, P. P. (1887). *Trudy etnografiko-statisticheskoy ekspeditsii v Zapadno-Russkiy kray* (Cilt 1). Saint Petersburg.

Dostoevsky, F. M. (2026). *Idiot*. AST.

Goncharov, I. A. (2025). *Oblomov*. AST.

Ivanov, V. V. ve Toporov, V. N. (1967). *Issledovaniya v oblasti slavyanskikh drevnostey*. Nauka.

Linguistic encyclopedic dictionary. (1990). Sovetskaya entsiklopediya.

Matveev, A. K. (2005). *Vvedenie v obshchuyu onomastiku*. Ural State Pedagogical University.

Mithat Efendi, A. (2020). *Felatun Bey ile Rakım Efendi*. Türkiye İş Bankası Kültür Yayınları.

Nabizade Nazım. (2022). *Zehra*. Türkiye İş Bankası Kültür Yayınları.

Namık Kemal. (2018). *İntibah [Sergüzeşti Ali Bey]*. Türkiye İş Bankası Kültür Yayınları.

Poltavets, E. Yu. (2010). Mythopoetic anthroponymy of Tolstoy's War and Peace. *Literaturovedcheskiy Zhurnal*, (27), 73–84. https://cyberleninka.ru/article/n/mifopoeticheskaya-antroponimika-voyny-i-mira-tolstogo

Shein, P. V. (1874). *Materials for the study of the life and language of the Russian population of the Northwestern*

region. Vitebsk.

Smirnov, V. A. (2013). Semantics of names in F. M. Dostoevsky's novel The Idiot. *Mundo Eslavo*, (12), 25–36.

Superanskaya, A. V. (1973). *Obshchie voprosy onomastiki*. Nauka.

Tanpınar, A. H. (1997). *19. asır Türk edebiyatı tarihi*. Çağlayan Kitabevi.

Tolstoy, L. N. (1865, 3 Mayıs). Pis'mo k L. I. Volkonskoy [L. I. Volkonskaya'ya mektup]. İçinde *Polnoye sobraniye sochineniy* (Cilt 90). https://tolstoy.ru/online/90/61/

Tolstoy, L. N. (2023). *Voyna i mir* (Cilt 3–4). AST.